

18+

РЕЙНМАСТЕР

ЭДЕМ

КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ

ЭДЕМ

Рейнмастер
Конечная станция – Эдем

«Издательские решения»

Рейнмастер

Конечная станция – Эдем / Рейнмастер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987573-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Джеймс Бонд в доме престарелых? Один из сотрудников магистрата найден повешенным на электрическом проводе. Бывший солдат фрайкора, Эрих Коллер проводит расследование... Острсюжетный детектив-антиутопия, первая повесть из авторского цикла «Эдем».

ISBN 978-5-44-987573-0

© Рейнмастер
© Издательские решения

Содержание

Конечная станция – Эдем	8
Глава 1. Прибытие	8
Глава 2. Неучтённый маршрут	13
Глава 3. Эдем	17
Глава 4. Слова	22
Глава 5. Поездка в Грау	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Конечная станция – Эдем

Рейнмастер

В оформлении обложки использована работа художника Дмитрия Лялякова «Эдем»

Иллюстратор Сергей Захаров

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Рейнмастер, 2025

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2025

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4498-7573-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Конечная станция - Эдем

Конечная станция – Эдем

Глава 1. Прибытие

Поезд задержали, и когда проводник объявил: «Вестерхайм», уже почти стемнело. Только магазинчик на станции светился розовым, и полосатый знак автобусной остановки мигал всё реже, показывая, что автобус только что отошёл.

Народ медленно разбрелся.

Я тоже взял свою сумку и двинулся вслед за группой явно приезжих – две женщины с яркой губной помадой резко жестикулировали, а их спутник, низенький толстячок, заглядывал в планшет и успокоительно лепетал: «Медамен, силенс. Хотель, на? Посада... рапроше...»

Толстяк тяжело вздохнул и обернулся. Я напрягся.

– Вы не знаете, где тут отель? – спросил он на довольно чистом транслинге.

– К сожалению, нет. Подозреваю, что с обратной стороны комплекса есть зал ожидания.

Может быть, там...

Понурившись и не дослушав, он быстро-быстро закивал мне плешкой и припустил вперёд под чайный окрик сопровождающих его дам. Несчастный, затурканный человек. Я тоже чувствовал себя несчастным – от голода и одиночества, а пуще того – от зябкости, просачивающейся через сетчатый верх туфель. После вагонной теплоты любое усилие казалось чрезмерным, хотелось быстрее найти какое-нибудь жильё, поесть, принять душ и уже тогда звонить Бессеру.

В темноте светящиеся пятна сливались в одно. Наполовину прикрытое матовым стеклом окно являло чёрную гусеницу багажной ленты, вокруг которой сновали носильщики в синей униформе и пассажиры с открытыми не по погоде плечами. Наверняка они тоже мёрзли. Но в отличие от меня им предстояли отельные радости или встреча с родными. Разговоры и поцелуи. В отличие от меня они не нуждались в контактах с Бюро, чтобы оплатить постель.

Когда я подошёл к автостоянке, от фонаря отделился некто и вытянул шею, вглядываясь мне в лицо. Прямоугольную тень венчала горка – шляпа с узкими полями, как в старых шпионских фильмах. Я опять напрягся. Если было что-то хуже вокзальной сырости, то как раз вот эта многозначительная муть – с переодеваниями, наклеенными усами и неразберихой с билетами.

– Эрих Коллер?

Я кивнул.

– Вы уже взяли багаж?

Я отрицательно мотнул головой.

По шоссе метнулся свет фар и отразился в стёклах очков, впалой щеке и ромбовидном значке «Нойбунда», привинченном прямо через карман. Тогда я сжалился и сказал:

– Весь мой багаж в этой сумке.

Человек кивнул и ушёл внутрь подземного гаража, чётко отбивая ритм каблуками. Я опять подумал о шпионских играх, и о том, что сказал Йен, выдавая мне шокер, и о том, что второй день крутили радиостанции, и о чашке кофе, которую, судя по всему, так и не удастся получить. Без молотого кофе я не могу думать.

В глубине туннеля моргнул жёлтый глаз. Тихо шурша колёсами, из гаража выкатился тёмный «Фольц» и притёрся к ступеням, заехав одним колесом на плитку. Я открыл заднюю дверь и влез вглубь салона, а сумку поставил себе на колени.

– Я закурю, – предупредил шофёр.

Окно было открыто, и я не возразил.

* * *

В темноте и издалека Вестерхайм выглядел настоящим городом – с сияющими высотками, подмигивающим рубином светофоров, рекламой и размалёванной, кишасей клубами ночной жизнью, почти отсутствующей в коммунах. Но при ближнем рассмотрении оказалось, что иллюминация освещает защищённые железом фасады, а двери кафе перегорожены цепью с однозначной табличкой: «Закрыто».

У здания магистрата машина развернулась и встала, так же криво, заехав колесом на бордюр. Это уже смахивало на фирменный стиль. Я попрощался с водителем и вошёл внутрь с безотчётным опасением иноверца, вторгшегося в храм разнузданной бюрократии. Но опасался я зря. Бессер уже махал мне с лестницы, приглашая подниматься, и его загорелое худое лицо светилось искренней радостью, радушием, по которому я соскучился и которое почти успел забыть.

– Проходите, Коллер!

По-видимому, это был не его кабинет, потому что в углу стоял бильярдный кий, а на полках, среди книг и коньячных рюмок, поблескивали спортивные кубки и медали на деревянных подставках. Мебель дорогая, кожаная, и дорогие канцелярские принадлежности. Я считаю распушенностью тратить деньги на ручку, которой неудобно писать, или одноразовые кнопки с серебрением и логотипом; вся эта шелуха засоряет эфир и отвлекает от дел. Но вот кофейный автомат пришёлся весьма кстати.

– Можно?

– Ну разумеется, что вы спрашиваете. А может быть, грог? Я попрошу Монику.

Он сел напротив меня, расставив худые, как у кузнечика, ноги, улыбнулся и ещё раз повторил, с видимым облегчением:

– Как я рад вас видеть, Эрих. Честное слово! До чего же я рад *тебя* видеть!

– Я тоже.

Я не солгал. Власть меняет людей, но война и фрайкор¹ не забываются. Сколько бы ни пытался вычеркнуть их из памяти, и даже если стереть саму память. Человеческий мозг – странно устроенная машинка.

– Куришь?

– Нет.

– А я научился. Дорваться до тысячи удовольствий и ничего не попробовать? Мы стали жить лучше, Эрих, и веселее, но вряд ли дольше. Извини, я так рад, что болтаю чушь. А ты ведь совсем не изменился. И, наверное, очень устал?

– Выспался в вагоне.

– О! – он вдруг неожиданно подмигнул. – Секретный шик, высший класс. Почём нынче ракеты?

– Геллер за ящик. Но только если знаешь пароль.

Он засмеялся.

– А я не знаю пароль. «Энциан»? «Тагесблатт»? Я всё позабыл. Позабыл абсолютно всё, когда стал чиновником, Эрих, у меня отрастает брюхо. Помнишь ту медсестричку? Теперь она заведует центром Нохта и снабжает меня снотворным. И ничего не меняется.

– Правда?

– Ничего.

– Ничего...

¹ Фрайкор, Freikorps (нем.) – свободный корпус, добровольческий корпус. Патриотическое военное или полувоенное формирование.

Первое впечатление ушло. Незнакомый город вокруг зиял провалами, и этот бывший мертвец чувствовал пустоту. Он хотел говорить с пустотой. Вокруг Вестерхайма громоздилась пустыня, индустриальный плац, наскоро залитый асфальтом.

– Я рад, что ты жив.

Сказал человек, однажды стрелявший в меня.

* * *

Мы прошли в зал.

Музейное эхо отражало шелест шагов. Бессер взял меня за руку, проводя между хлипкими стеллажами с кипами пожелтевшей бумаги. Бюджет выделялся слишком неравномерно, и отложения прошлого заполняли архивы картонными папками и микрофильмами, издающими запах горелой плёнки.

– Садись.

Он настроил проектор. Аппарат зажужжал, и белое пятно на стене сменилось уже знакомой мне фотографией. В поездке я тщательно изучил все документы.

– Герман Хеллиг?

– Был одним из моих лучших сотрудников.

– Самоубийство?

– Именно это и хотелось бы выяснить. Такие случаи дают отвратительный резонанс, дружище. Хеллига я знал лично, он был очень уравновешен. Вот мы с тобой не на своём месте, Эрих, чиновников из нас не получится, а он был чиновником до мозга костей. Его последним объектом стал «Эдем».

– Дом престарелых?

– Скорее пансионат. Не очень-то романтично, верно? Совсем не урановые рудники. Но кому-то нужно работать в таких местах. Более того, многие даже рвутся. Скучные, дурнопахнущие подвалы – настоящий подарок для опытных крыс. Ткани, зерно, консервы... Государственная кормушка в последнее время опять оскудела, мы подорвали кредит доверия. Хеллиг был лучшим, пока не надел на шею электрический провод.

– Он на что-то наткнулся?

– Может быть, – Бессер пожал плечами, – хотя в отчётах всё чисто. Из Бюро пришел запрос на выяснение причин смертности контингента, мы осуществили проверку. Старики мрут как мухи. Но ведь смерть и есть удел стариков?

Прекрасный девиз в музейном зале, заваленном листовками о борьбе с полиомиелитом. Я достаточно знал Бессера, чтобы понять, что он раздосадован. Брюхо ещё не выросло, но от канцелярской пыли свербело в носу.

– Кем я туда поеду?

– Трудинспектором, это проще всего. Прошерстишь всё, что захочешь проверить по персоналу. А бухгалтерией займётся Афрани.

Почувствовав движение за спиной, я обернулся.

– Добрый день.

Её голос звучал немного в нос, как будто сконфуженно. Деловой костюм плохо гармонировал со смуглотой кожи и чёрными волосами, забранными в накрученный на голову синий платок.

– Доброй ночи.

– Познакомьтесь, – сказал Бессер. – Мой друг Эрих болезненно педантичен. Рациональный подход ко всему. К сожалению, он не выспался. Зато завтра вы поедете в мягком вагоне. В отдельном, между прочим, купе.

Я наступил ему на ногу.

Есть люди, вызывающие антипатию с первого взгляда. Афрани мне не понравилась.

А я не понравился ей.

Возможно, виной тому была обстановка. Затхлый и вместе с тем аскетически-сухой аромат буквально вопиял о деле, заваленные бумагой столы, пыльные занавески на окнах навевали мысли о морге. «Будь осторожен», – предупреждал Йен. Непременно. Я уже почти настроился на предстоящий мне труд лицедейства.

И получите – синий платок!

Вместе мы вышли в коридор. Бессер извинился и почти побежал к кабинету, из которого раздавался надоедливый зуммер. Афрани посмотрела на меня. Я обратил внимание на приплюснутое переносье и пару волосков на нём – должно быть, она выщипывала брови.

– Мы выезжаем рано?

– В семь тридцать, – сказал я. – Не берите много вещей. А вы что, правда бухгалтер?

– Я окончила «Юнигельд», – тихо, но чётко произнесла она. – И у меня *есть* разрешение на работу.

– Поздравляю. Впрочем, я всё равно не из «Арбайтсамт». Я даже не знаю, как выглядят мигрантские карточки.

Возможно, меня раздражала перспектива ночной работы. Очень возможно. Остаток ночи я планировал провести совсем не так. Завалиться спать или в местный кабаk с синтетическим шнапсом, принять душ или джакузи, посетить клубный театр или сцепиться с «Ультрас»... Любая из этих перспектив сияла красками перед затхлостью местной библиотеки.

Она продолжала меня разглядывать. Женщинам я не нравлюсь, но тут был какой-то особый случай. Наверное, крашенная борода помогла бы выправить положение. Я не мог отделаться от мысли, что Бессер надо мной подшутил – с него бы случилось, и дал слово отомстить, как только подвернётся удачный шанс.

– Я соберу вещи. Мы встретимся на вокзале?

– Если не пригласите на чашку кофе.

Она не пригласила. И пять часов кряду я провёл в холодном, похожем на морг музейном зале, потягивая кислый «Ротвайн», отдающий дубовой бочкой. Я потратил их, подводя итог человеческой старости – изучая подшивки старых газет, карты и микрофильмы, разбирая завалы финансовых документов, кромсая табличные файлы, листая календари и отчёты в компании человека, который однажды убил меня.

С. Захаров fotografie

Триет.
Кв. стр. 17

Глава 2. Неучтённый маршрут

Езда по узкоколейке напоминает игру в «пересыпь горошек». Тряска такая мелкая, что буквы образуют нечитаемый людоедский код, сообщающий больше смысла, чем закладывал репортёр. «Германа Хеллига нашли в мусорном баке...» Проклятая газетёнка! Но ведь кому-то понадобилось исказить факты настолько, чтобы скромный министерский чиновник – образец долга – предстал таким демоном-выпивохой, не чурающимся даже и взятки.

Я отложил «Вечернее обозрение».

Солнце падало косо, освещая деревья ярким острым лучом. Создавалось впечатление, что мы едем под гору – в один из нескончаемых мёртвых тоннелей, оставшихся с последней войны.

– Мы уже подъезжаем? – спросила Афрани.

Она сняла с головы платок, заменив его полосатой банданой. Вельветовый пиджачок и юбка не слишком подходили бухгалтеру, но я промолчал. Вытащил вещи и двинулся к выходу, слыша за спиной цокот её каблучков.

Поезд остановился, и мы сошли. Было десять часов утра.

Белые бетонные блоки сообщали пейзажу что-то классическое. Брошюра обещала «райский отдых путникам, уставшим от жизненной тряски» – такое словосочетание вполне подходило и к нам. «Эдем» представлял собой частный пансионат, но с одной существенной оговоркой – он входил в госпрограмму от пенсионного фонда. Опытные крысы могли быть довольны: золотой ручеёк, выделяемый частным пансионатам, ещё не забился и не иссяк.

– Вы давно знакомы с Карлом Бессером?

– Очень, – сказал я, выглядывая машину.

За нами никого не прислали. Хороший знак, хотя это означало, что нам придётся топать пешком. Моя сумка весила мало, зато чемодан попутчицы был набит железными гириями. Кажется, она по рассеянности упаковала утюг.

– Ещё с войны?

Она мне не нравилась, но тут уж ничего не поделаешь. Такие вопросы лучше решать заблаговременно. Потом может стать слишком поздно.

– Он меня подстрелил.

– Простите?

– Я был во фрайкоре Гузена. Пуля задела артерию, Карл успел тампонировать. Он как раз проходил курс первой помощи и навещал меня в госпитале в Бергене. Можно сказать, взял меня на поруки. С его подачи я отсидел только месяц и сразу попал под люстрацию², получил ограниченный гражданский статус. Позже он помог мне устроиться на работу.

– Но почему?

Я и сам задавал себе этот вопрос.

– Не знаю. Может, это был его первый выстрел.

– А ваш?

– Что?

– Каким был ваш первый выстрел?

– Не помню, – сказал я. – Это было очень давно.

* * *

² Люстрация – (от лат. *lustratio* – очищение посредством жертвоприношения) – законодательные ограничения, вводимые после смены власти для ограничения прав сторонников прежней власти.

Прямо от станции начиналась грунтовая дорога – очень широкая, обсаженная с двух сторон липами и кустами сирени. Конечно же, я не ожидал встретить здесь автобан. Свежеокрашенный указатель задавал направление, и вдалеке имелся ещё один – броский плакат с какой-то завлекательной надписью.

Солнце припекало уже не слабо. Втянув воздух, я ощутил что-то ещё, кроме слабого аромата цветения, хвои, железнодорожных шпал и гудрона. Справа за зубчатым краем леса блестела штанга радиовышки.

Афрани настороженно огляделась, принялась:

– Мне кажется, я чую коровник.

– Вряд ли. Мясо и молоко привозят из распределителя. Хотя...

Любые факты следует проверять. Дорога выглядела безопасной, по ней, очевидно, много ездили, но и хорошо убирали. Мусор на обочине в последнее время стал нашей визитной карточкой. Все эти крекеры и жестянки, огрызки пластика, питьевые бутылки, банановая кожура, обезьяний помёт... Прощай, самая чистоплотная в мире нация. Привет, толерантность!

Пройдя около ста метров, я резко свернул с дороги и зашагал прямо по ломкой траве. За спиной раздался протестующий крик. Шелест раздвигаемых веток, и в мой локоть вцепилась рука. Я увидел тёмные глаза, горящие возмущением.

– Что вы такое вытворяете?

– Хочу осмотреться, – лаконично объяснил я.

– Но мои туфли... Я же не могу бродить по лесу в такой обуви!

– Значит, наденьте ботинки.

– Но...

Она выдохнула и замолчала, проглотив возражения.

Любопытно.

Идиллические кудрявые облачка скрылись за краем леса вместе со штангой, когда мы спустились в низину. Гористая местность, так что перебои со связью вполне объяснимы. В самом «Эдеме» я мог найти проводной телефон, связывающий дом престарелых с подстанцией в Хольцдинге. Модемное интернет-сообщение. Интересно, нашли ли они применение радиовышке?

Хеллиг провёл в этом укромном месте три дня, после чего составил стандартный отчёт и выехал, никого не предупредив. Тем самым нарушив традицию или негласный статут, этот неизменный чиновничий ритуал, опустошающий окрестные бары, не говоря уже о борделях. Канцелярские склоки? Я доверял интуиции: Хеллиг не был похож на склочника. Вся история, на мой взгляд, дурно пахивала, и оптимизм Карла на этом фоне выглядел неуместно.

А впрочем, он всегда был оптимистом.

Лиственный лес сделался полухвойным. Воздух остыл, подошвы цепляли дёрн. Среди травы и кустарника появилась узенькая тропинка со следами велосипедных протекторов, дорога вновь пошла на подъём. Впереди замаячила просека.

– Я вижу рельсы, – сказала Афрани.

– Да.

Это была полноценная железнодорожная ветка, уходящая куда-то на юго-запад. Туда, где, по моим прикидкам, находился Грюнбах и химические заводы на Регенфельде. Я взял это себе на заметку, тем более что карта, видимо, устарела. Там точно не имелось никаких дополнительных железных дорог – такие вещи всегда привлекают внимание.

Спустившись в овраг, мы пересекли рельсы и двинулись дальше. Где-то спустя полчаса Афрани смущённо тронула меня за плечо.

– Что такое?

– Простите, мы не могли бы остановиться? Мне нужно...

Кровь прилила к её смуглым щекам, выдавая стыд и замешательство. Я сразу понял, в чём дело. В поезде она осушила литровую банку сока, а от земли шибало холодом. Женщины писают в два раза чаще мужчин, так уж они устроены.

– Валяйте. Только не присядьте в крапиву.

Она сверкнула глазами и потрусилась куда-то в заросли.

Если судить по компасу, тропинка слегка отклонилась. Я сделал пару шагов вперёд и опять заметил просвет.

Сквозь ветви орешника виднелось поле или поляна, тенистая по краям, но открытая солнцу сочно-зелёной серёдкой, в центре которой был воткнут стальной флагшток. По краю площадки сверкал масляной краской ряд гимнастических турников. Далее, за оградкой, начался зачернённый асфальтом двор перед подъездом квадратного здания, имеющего вид одновременно чопорный и зловещий.

– Эрих!

Обернувшись, я понял, что мы уже не одни.

* * *

Они подошли бесшумно, как люди, отлично знакомые с местностью. На ногах одного красовались мягкие егерские сапожки. Другой даже и в туфлях не смог бы переломить и сучка, потому что сам был худ как удилище. Белый значок, прицепленный к лацкану пиджака, выдавал принадлежность к «Эдему».

– Что вы здесь ищете? Это частная территория!

Первый, белобрысый юнец в зелёной рубашке с камуфляжными пятнами, пока не произнёс ни слова. Но его правая рука, спрятанная за спину, меня напрягала.

– Я ищу альтенхайм...

– Чего?

Проклятие! Я сносно говорил на транслинге, но думал по-прежнему.

Юнец ухмыльнулся. Коротко подстриженный, с подбритым лбом и висками, он с любопытством оглядел меня и прищурился:

– Вы далеко забрели. Там дальше болото.

– Значит, мы повернём обратно.

– Плохая идея. Заплутаете и не ровён час...

– Полли! – предостерегающе воскликнул человек-удочка. Он быстро и как-то нервно оглянулся, дёрнул кадыком и принял решение:

– Мы вас проводим.

Гуськом выбравшись на тропинку, мы зашагали обратно, причём Полли оказался в замыкающих, прямо у меня за спиной. Руку он по-прежнему прятал, и я терялся в догадках, что же там скрывается. Травмат? Стартовый пистолет? В нашу эпоху, когда зажигалка маскируется под ракетный комплекс, а бомбу можно носить на манер серёжек, не так-то просто определиться.

Дорога требовала сосредоточенности, а мозг между тем занимался своей работой – сопоставляя, анализируя.

Я старался отвлечься от сдавленного дыхания за спиной и продолжал думать о Хеллиге. О Хеллиге, который вступил в Добровольческий корпус Брехта и с честью – очень вовремя – выбыл по причине ранения. Потом были проблемы с люстрацией, несомненно. Косые взгляды. Прямые и завуалированные обвинения. Отказы в работе. «Да вы же просто военный преступник, – так выразился трибунальный полковник с рачьими глазами навывкате. – Вы же просто паршивый военный бандит. Отморозок, заслуживающий верёвки!» Хеллиг через это прошёл, и сходство наших судеб неприятно дразнило воображение, пока я взбирался по косогору.

Афрани что-то спросила. Провожатый ответил. Розоватые лучи солнца рябили в стволах, а птичий крик звучал жалобно и заглушённо. Окружённый лесом пансионат теперь казался мне чем-то вроде крепости со своим гарнизоном. Проверка её неприступности закончилась крахом. Интересно, как в своё время поступил Хеллиг – явился через парадный вход или использовал мышиную норку? В отчёте, разумеется, такие факты не приводились.

– Осторожно! – предупредил Полли.

Его горячая рука скользнула по моему боку, проверяя оружие. Я отшатнулся, стараясь изобразить оскорблённость – чёртовы педерасты! Вонзил носок ботинка в разваливающийся грунт и полез вверх, ища опоры в булыжниках, высывающих из земли свои гранитные головы.

Путь закончился.

Мы вышли на ту же дорогу, что отходила со станции, только парой километров вперёд. Сгорбленная фигурка в резиновом фартуке уже копошилась с замком и цепью, неуклюже просовывая ключ в замочную скважину.

Открывая ворота в Эдемский сад.

Глава 3. Эдем

Окна палаты выходили на великолепный газон с вкраплениями ярких цветочных пятен. Глянцевые кусты парковых роз выглядели так хорошо, что казались ненатуральными. Между белыми вазами на гипсовых постаментах бродил рабочий, разравнивая грабелями песок, которым посыпали дорожки. Всё-таки третий этаж – оптимальное место для земных обитателей. Отсюда была видна даже рябь на воде, скопившейся после дождя в птичьей купальне.

Я расстегнул рубашку, сожалея о том, что не могу снять носки. Из соседней комнаты, где разместили Афрани, доносился скрежет и скрип передвигаемой мебели.

Деятельная натура.

– Простите, Эрих... Вы случайно не захватили с собой дезодорант? Или пробковый освежитель?

– Боюсь, что нет.

Я её понимал.

Сквозь упоительный аромат цветущих роз пробивался другой – даже самый безнадежный романтик не назвал бы его запахом уважаемой старости. Тяжёлый душок пропитывал атмосферу флёром невымытого тела, испражнений и мочевины. Привкусом разложения. Возможно, у нас разыгрались нервы, но я улавливал эманацию смерти даже в гипсовых вазах, торчащих на своих массивных надгробиях, как погребальные урны.

Гнилые ветки следует отсекать. О чём думали собранные здесь обломки прошлого, отгороженные от остального мира не решёткой, а собственными воспоминаниями? Навещали ли их близкие? Мраморный ангел на входе имел пустые глазницы – будь я скульптором, я бы дал ему в руки разряженный автомат.

– Альтенхайм.

– Что?

Афрани выглянула из своей комнаты и остановилась в проёме. Боязливо шагнула внутрь. От пиджака она избавилась, и лёгкая блузка исключительно выгодно обрисовывала фигуру с тонкой, как у танцовщицы, талией и полной, высокой грудью.

– Я был неосторожен, употребив это слово – «альтенхайм». Сейчас так не говорят. Малыш Полли чересчур наблюдателен.

Она пожала плечами.

– Разве это важно?

– Может, и нет. Но я не хочу подставляться.

– Вам будет сложно подобрать маску, Эрих. Вы же такой... простите меня, типичный...

– «Типичный» кто?

Она отвела глаза.

– Просто типичный. В этом нет ничего плохого. В конце концов, это же ваша страна.

– Правда? А мне казалось, после победы союзников этой страной правит всякий восточный сброд!

– Ох!

Взмахнув ресницами, она неверяще воззрилась на меня: колибри – на паука-птицееда. Смуглые щёки стали ещё темнее.

– Простите, Афрани, – любезно сказал я. – И кстати, хотел спросить. «Афрани» – имя или фамилия?

– Это имя. Фамилию вам не выговорить.

Голос звучал сдавленно.

Ещё секунду она рассматривала меня не моргая, с каким-то горестным удивлением. Потом подхватила и быстро вышла, цокая каблучками. Хлопнула дверь. Створка моей двери качнулась в ответ, но чья-то рука помешала ей закрыться.

Это был Полли. Облаченный в белый комбинезон санитара, он двигал за собой тележку с бельём. Маленькие колёсики вращались совсем беззвучно, поэтому никто из нас не заметил его приближения.

Он улыбался.

* * *

«Такой типичный...»

Следуя за своим провожатым, я пытался понять, что имела в виду Афрани. Очевидно, речь шла не только о внешности. В общем-то, нас с Полли можно было описать одними словами – за исключением роста и возраста. Или она подразумевала что-то другое? Спесь? Заносчивость? Равнодушную и тупую жестокость? За годы последней войны я многое узнал о своих соплеменниках, но что из этого относилось лично ко мне?

Мы спустились по лестнице и вошли в холл. Тотчас же от стены двинулись двое – давешний тощий распорядитель и крупный, но мягкий человек с непомерно большими ладонями. Я догадался, что это сам Фриш, директор пансионата.

У окна корректно ожидал своей очереди поздороваться сухопарый медик в белом халате. Закончив с рукопожатиями, я кивнул ему и удостоился ответного жеста.

– Господин Коллер? Сожалею, что мы не успели выслать за вами шофёра. Почему-то мы не получили известия о вашем приезде. Безалаберность или же, напротив... Ведь вы приехали нас проверять? Честно говоря, я удивлён...

– Понимаю, – сказал я. – Но сами знаете, как работают наши службы.

– Бюрократия, – вздохнул Фриш. – Рыба гниёт с головы. Надеюсь, вы любите рыбу? – он оживился. Складчатые веки дрогнули, показав розовые сосуды. – Рыбу на ужин? Обед вы пропустили, но, к счастью, кухня приберегла пару дополнительных порций. Даже трудягам из третьего Управления нужно питаться вовремя и полноценно. У вас ведь нет аллергии?

– Только на нелегалов.

Он рассмеялся, видимо, от души:

– Хе-хе. Коллер, умоляю вас. «Нелегалов». Мы здесь живём под лупой, как микробы, и каждый чиновник норовит вставить палки в колеса. Вот и вы наверняка...

– Э, нет, – возразил я сухо. – Только инструкции, ничего более.

– Да?

– Да.

– Ну и хорошо, – сказал он. – Вот и ладно. Я предупрежу подчиненных, и вам всё покажут. «Эдем» – достойное место, Коллер. Я бы и сам не отказался скоротать здесь денёк-другой, если уж выпадет такой жребий.

– А как насчёт кишечного гриппа?

Его лицо омрачилось:

– Мы справились с ним. Конечно, это ужасно. Но это всё отголоски войны – мутировавшие штаммы, от них чертовски трудно избавиться! Сейчас тут далеко не аншлаг, доктор Ланге покажет статистику. В скором времени мы ожидаем прибытия новой партии, придётся расширить приёмный блок. Я буквально кручусь ужом, лезу из кожи, пытаюсь выбить из Департамента максимум налоговых льгот. Всё идет в дело, можете мне поверить. Вы найдёте в корпусах свет и комфорт, отличные душевые – дыхание некогда мощной, увы, ушедшей культуры. Вы меня понимаете?

Не вполне. Но я наклонил голову.

Мы обменялись парой каких-то незначущих реплик, и он выплыл, огромный как дирижабль, предоставив меня заботам своих ассистентов. Долговязого я уже видел. А вот доктор Ланге, хранитель местного рая, выглядел компетентным, хоть и не слишком радушным. К внезапной проверке он отнёсся без должного пиетета. В серебристо-серых глазах стыла ирония.

– Кишечный грипп?

– Мне так сказали. Я захватил карболки, чтоб вымыть руки.

Он хмыкнул, весьма довольный. Просто ходячий ланцет, а не человек.

– Можете вылить её в унитаз. Сейчас в «Эдеме» нет никакой заразы. Я и мои помощники следим за этим, не в пример вашим коновалам из Управления. Я слышал, что в госпитале Экке нашли чумную бактерию. Так почему бы вам не отправиться туда? А, Коллер?

– Потому что я трудинспектор, а не специалист по клистирам.

– Тогда договоримся на берегу. У меня в палатах стерильность. И если я замечу, что вы шастаете к старичью в грязной обуви, без халата и без моего разрешения...

– То пульнёте в меня горькой солью. Через эту свою трубочку для выслушивания.

– Эта трубочка называется «стетоскоп».

Пару секунд мы таращились друг на друга, скалясь, как барракуды. Что бы там ни утверждал Йен, эскулап в «Эдеме» был первоклассный. Тем непонятнее выглядела эпидемия, выкосившая большую часть стариков. Углублялся ли в это Хеллиг? И вот ещё – здание с турником. Но прежде стоило выяснить про рельсовый путь на Регенфельде.

– Когда я плутал по лесу, то заметил дорогу.

Секундное замешательство. Врач нахмурился, и долговязый поспешил ответить за него:

– Она не используется. Насколько я знаю, участок пути подорван ближе к Биркенхольму и так и не восстановлен.

– Значит, единственный способ добраться до Большой земли – «Рейлбанн-экспресс», на котором мы приехали? Никакого автомобиля?

– Ну почему же, если вам охота дать кругалю. Потрясётесь по грунтовке до Грау, потом через общину Альпенроде, на пятую магистраль... Вот только боюсь, именно сейчас овчинка не стоит выделки. Из Грюнбаха сообщили, что мост подмыт, а дорожные работы приостановлены в связи с нехваткой свободных рук...

Он ещё долго частил, приводя аргументы. И чем весомей звучали доводы – звонкий голос придавал им особую убедительность, – чем выше взлетал его ломкий голос, пока румянец расплзался по угреватым щекам, тем больше я убеждался в том, что дело нечисто.

А значит, я приехал не зря.

* * *

Но куда подевалась Афрани?

Я захлопнул папку. Пылевой чёртик шмыгнул под пепельницу, и золотистые пятна изменили расположение. Четвёртый час. Время полдника. В животе было так пусто, что я не отказался бы и от куска чёрствого хлеба.

Сонная тишина в кабинете не располагала к работе. Термометр застыл на отметке «жарко». Если здесь имелся кондиционер, то ключ от него следовало просить у святого Петра. Я вспомнил о человеке, открывшем ворота. Похлопал себя по щеке, чтобы проверить щетину, и подумал о Полли. Тревога. С другой стороны, насколько я объективен? Может, я просто схожу с ума?

Пансионат погрузился в дремоту.

Коридоры были пусты. На санитарном посту горела тревожная кнопка и лежала газета, прижатая тряпкой, а вестибюль встретил меня миганием красной лампочки. Самого же охранника у стойки не оказалось. Я толкнул дверь и вышел наружу.

Дорожки между куртинами разделила чёрная полоса. Тень падала косо, как будто врезаясь в цементный круг со скамейками. Пройдя под гудящим воздуховодом, я обогнул здание с ощущением возрастающей нереальности.

Белый корпус «Эдема» демонстрировал свой псевдоклассический шик только с фасада. Сзади трёхэтажное здание напоминало больницу или заводскую контору – одинаковые ряды непрозрачных окон, кремовая плитка у цоколя, слабый запах столовой. Никаких гипсовых

львов! Задний двор содержал пару подсобных построек, вплотную притёртых друг к другу, и упирался в забор из неокрашенных досок.

Гараж был открыт, и слышался звук работающего мотора. Но уже повернув к нему, я услышал голоса – они доносились со стороны прачечной.

Смешок. Загремело ведро.

– Что вы делаете? – слабый женский вскрик.

Токая, как разогнавшийся бык, я выскочил за угол.

И увидел Афрани, прижавшуюся к стене сарая. Её паника была вполне объяснима: один из парней уже успел расстегнуть брюки. За его спиной стояли ещё двое, оглядываясь – видимо, страхуя напарника от возможных неприятностей. Так, ясно. На полном ходу я пнул ведро и, воспользовавшись моментом, врезал ближайшему так, что тот опрокинулся навзничь.

Крик. Удар свистнул выше, но я успел поднырнуть. «Фритцль!» – взвизгнул тот, что стоял дальше, на пальцах блеснул кастет. Плохо дело, подумал я. По крайней мере, из пулемётов никто не лупил, но это только пока. Пора было серьёзно приниматься за дело.

И я принялся.

Солнечный жар туго сконцентрировался в висках и смешался с солёным потом. Мной овладел раж. Дикие фигуры дёргались на свету, запрокинутые чёрные рты, пасти с блестящей слюной на подбородке. Пададь. Кто-то валялся и визжал у меня под ногами. Кто-то плакал и кричал: «Хватит! Эрих, хватит!» Почему Эрих? Они ложились, но опять и опять вставали, измазанные грязью, скользкие и смердящие жжёной щетиной, как свиньи. Я утопил одного в грязи, и жижа булькала, пока ноги дёргались в судорогах, разбрасывая ошметья грязи, всю эту грязь, гнусь, мерзость, дерьмо...

– Эрих!

– А...

Струйка пота обожгла уголок глаза. Кажется – или опять стреляли? Я ошалело заморгал и выпустил то, что стискивал в кулаке. Оно хлюпнуло. Серые тени попятнулись и встали, не нападая. Их стало больше.

– Это инспектор, – сказал кто-то вполголоса.

Тени переговаривались. Афрани плакала, но с ней было всё в порядке, по крайней мере, я на это надеялся. А вот с лежащим на земле – не совсем. Акклиматизировался, чёрт возьми! Какой-то человек смотрел на меня в упор, и я не мог вспомнить, откуда я его знаю. Морщины, ожог, и всё лицо как будто хитро перекошено вправо.

– Закончил? – спросил он меня совершенно мирно и подошёл ближе.

Присел на корточки, проверил пульс. Выдохнул и, напряжись, поволок тело куда-то в сторону. Ему помогли. Одна из серых теней осталась маячить рядом. В костюме санитаря, теперь запачканном кровью.

– Пшёл отсюда! – сказал я.

Взял Афрани за руку и побрёл к «Эдему», оставив позади переключку отрывистых голосов. Ветер овевал разбитую морду, а небо горело сумасшедшими красками. Ярко-алое небо, ослепительно алое, как после грозы.

Глава 4. Слова

– Не дёргайте головой! – строго предупредила Афрани. – Неужели так больно?

Прохладная губка мазнула по коже, стирая кровь со скулы и подбородка. От запаха спиртовой жидкости зверски защипало в носу. Я поморщился.

– Жжёт.

– Потерпите.

Я театрально повёл плечом. После схватки, когда адреналин уже схлынул, хотелось всё делать исключительно театрально. Вполшищечки. Спусти рукава и ни в коем случае не напрягайся. Тем более что роль трудинспектора уже всюю трещала по швам.

Но огорчало не это. А то, что я прохлопал момент и мне приварили.

– Вы не заметили, когда там появился Полли?

– Санитар?

– «Санитар»! – мрачно сказал я, ощупывая шею. – В гробу я видал таких санитаров... В свинцовых ботинках. Значит, не заметили? Жаль. Я вот тоже не заметил.

– Вам было не до того, – сказала она. – Вы рычали.

– Что?!

– Рычали, – повторила она тихонько, – и вели себя так, как будто совсем сошли с ума. Били его головой об камень, словно хотели убить. Совсем, понимаете? И... выразались. Ничего не замечали вокруг.

Так ли, нет, но ведь кастет я отразил. В жаркой толкотне кто-тодохнул мне в ухо, шепнул: «Держи, старичок». Отсюда, видимо, и гуля. Никакой мистики. Да. Вот поэтому у подводной лодки – смотровые окна по каждому борту. И перископ. Улучив момент, какой-то прыщ подобрался ко мне вплотную и со всей дури засветил в перископ, и я догадывался, что знаю этого деятеля.

«Старичок». Скажите пожалуйста!

– Вот вы и опять зарычали, – констатировала Афрани с едва уловимым восточным ехидством. – А господин Бессер утверждал, что вы очень рациональны. А ещё аккуратны и педантичны.

– Очень. Терпеть не могу, когда портят складку на брюках.

Между прочим, верно. Мне не улыбалось искать здесь прачечную и уют. И вообще приводить себя в порядок после каждой встречи с Полли. Создавалось ощущение, что его буквально ко мне приклеили. А те двое губастых были одеты не как санитары, и их карточек я не видел. Вопрос – откуда они взялись? Тэк-с. Я вдруг почувствовал, что устал и смертельно хочу работать.

– Пойдёмте ко мне в кабинет. У вас есть кабинет?

– Меня пригласили в библиотеку, но после ужина. Туда перенесут бумаги. Сейчас какая-то заминка, что ли...

– Да-да, – сказал я. – Знаем мы эту заминку. Послушайте, Афрани, а зачем вы вообще попёрлись во двор? Уж там-то явно нет зарплатных ведомостей.

Она посмотрела исподлобья – виновато, но твёрдо. В широко расставленных глазах светилась решимость.

– Я хотела проверить, где заканчивается территория. Помните ту поляну? Мне показалось, она вплотную примыкает к «Эдему».

– Возможно. Но в следующий раз согласуйте со мной свои вылазки... и вообще, не вылазьте. Я разберусь с этой поляной. Тут ещё со многим предстоит разобраться. Эти, например, губастые... Почему они на вас налетели?

– Не знаю, – совсем тихо сказала Афрани, и я увидел, как её щёки опять смуглеют. Странное зрелище: женская, очень, просто невероятно тонкая кожа. Удар кастета разорвал бы её в клочья. – Они несли ящик, но увидели меня и сразу окружили, как волки. Они смеялись. Один сказал, – она сглотнула. – «Распьяль черномазую обезьяну!»...

– Так...

Что-то треснуло. Я обнаружил, что сжимаю обломки карандаша. В комнате было жарко, эти черти не вырубili отопление. Как там выразился Фриш? «Дыхание некогда мощной культуры»?

– Вы тоже так думаете, – сказала Афрани. – Я на вас не в обиде.

За створкой окна пел ветер. Монотонный унылый звук разносился далеко по округе и замирал в отдалении. Гудок отходящего поезда, считающего километры где-то под Венцельдорфом. Мне вдруг показалось, что мы сидим так очень давно. Друг напротив друга. Каменные столбы в пустыне, наверное, не так одиноки, как пустота, принявшая форму наших тел, молчание мыслей, обрывочных и несвязанных.

Мой дом был далеко и, конечно, разрушен. Почему я об этом вспомнил? Маленьким я бродил по его коридорам, заставленным корзинами и бутылками, он казался мне бесконечным. Тогда. Присутствие других – великанов – совершенно терялось в мирке, наполненном жёлтым, коричневым волшебным стеклом. Этажом ниже работала типография. Непомерно крутая лестница, уводящая вниз – время словно не трогало слепые, голые лестницы с вечно разбитой лампочкой и усатым ликом, скалящимся с плаката.

Я медлил. Боялся встать и выйти, прикрыв за собой дверь.

Слыша тихий плач у себя за спиной.

* * *

Обещанную рыбу принесли на полдник, а вовсе и не на ужин, как планировалось первоначально. Администрация знала толк в извинениях!

Афрани вяло ковыряла салат, а вот я немного развеселился при виде блюда с кусками филе, обильно посыпанными травами и чёрным перцем. Прогнозы начинали сбываться. А может, здесь изобрели новый способ самоубийства? Если так, то директор Фриш, видимо, окончательно решил свести счёты с жизнью.

– К рыбе идёт белое вино, Коллер, но попробуйте сухое розовое. «Ротлинг фон Дорф». Лёгкий ягодный аромат и привкус садовой вишни. Исключительно приятная сладость. Пробуйте смело, рекомендую. Или вы боитесь танинов?

– Танинов я не боюсь.

Он понял намёк.

– Возмутительное происшествие! Мы обязательно свяжемся с «Фогельвеге». Их грузчики совсем распустились! Вы неплохо их отделали, Коллер, хотя, может, и чересчур... У одного из парней сотрясение мозга. Кстати, они приехали на том же поезде, что и вы.

– Дружки вашего Полли?

– Польмахер – отличный работник, – заверил Фриш, обсасывая вынутую откуда-то рыбью кость. – Грубоватый, но чрезвычайно дисциплинированный. Прибыл два года назад из колонии для несовершеннолетних в Эмме. С тех пор весьма возмужал. Всё-таки трудовое воспитание – как раз то, что нужно нашей потерянной молодёжи.

Он хитро прищурился:

– Конечно, сейчас вам так не кажется.

Я дипломатично хмыкнул и предпочёл промолчать.

– Н-да, – задумчиво сказал Фриш. – Из всех ротлингов восхитительная кислинка... Танины. Да вы пейте, пейте! Завтра я предложу вам «Старый Брюн», и вы удивитесь искусству

тамошних виноделов! Говорят, их виноград рос на крови. Сперва бойни, потом сады... а ещё потом мы всё развалили. Ну пробуйте, Коллер, у вас же нет язвы?

– Может, я трезвенник.

– Не может быть! – поразился он. Розовые глаза моргнули с такой укоризной, что я понял, что ляпнул что-то бестактное. – Бросьте, Коллер, вы, разумеется, инспектор, но не дитя и не пастор. И до помещения в «Эдем» вам ещё далеко. Берите свою девушку и... Сколько вам уже? Тридцать?

– Двадцать восемь.

– В свои двадцать восемь я закусывал «Мельника» сухим спиртом. И преотлично себя чувствовал. Сейчас, конечно, не то. Когда вы закончите со своей официальной тягомотиной, мы с вами преотлично закатимся в бар. Я покажу вам, где бар. Надеюсь, завтра уже всё будет готово? М-м?

– Вряд ли, – осторожно сказал я.

– Что ж, не тороплю. Не имею права вас торопить.

Он энергично мотнул головой и подлил ещё. Слишком грубо и беззастенчиво. Для первой осады весьма бездарно. Или это уже вторая? Сначала мне дали понять, что не рады видеть, потом дали по шее. Теперь вот пытаются подпойть. И пускай пытаются! Я отхлебнул вино и нашёл его довольно приятным. Похоже на ягодную настойку.

– У меня ведь есть племянник примерно вашего возраста. Талантливый молодой человек и, между прочим, увлекается виноделием. Но выбрал не ту сторону. Вы понимаете? – он опять наклонился и глубокомысленно уставился на меня, тесня животом стол и сдвигая посуду. – А? Не ту сторону. После заварушки ему, конечно, пришлось несладко. Ограниченные права. У многих сейчас проблемы с работой. Потому что чистка и, знаете, бдительность...

– Верно, – сухо сказал я, соображая, куда он клонит.

– Вот-вот. Бдительность. Да вы пейте!

– Я пью.

– В «Эдеме» можно жить, Коллер. Можно хорошо жить. Это райский сад. Иногда здесь поют ангелы. Если вы вдруг устанете от своей канцелярии...

– То обращусь к вам, – кажется, я начал его понимать. – Но скажите, господин Фриш...

– Просто Якоб...

– Ну нет, я так не могу. Скажите, Фриш, почему в пансионате почти нет женщин? Кроме, естественно, контингента. Санитары и массажист, даже кухонные работники...

– Ну почему же, у нас в штате две санитарки. И даже, кажется, прачка. Видите ли, Коллер, часть персонала мы взяли в своё время из той же колонии, откуда приехал Польмахер. Вот вам и иллюстрация живительной силы труда. Ни одного срыва! На редкость слаженный коллектив. Ну конечно, иногда не без трений – молодые парни, гормоны... Женский вопрос мы решаем отпуском в Грау. «Дочь лесника» и всё такое...

– Боюсь, это мне не подходит.

– Можете привезти свою девочку.

Он вдруг спохватился, что Афрани сидит рядом, и я спохватился тоже. Чёрт знает, как это получилось. Она таращилась на нас с неким ужасом – так ребёнок смотрит на бородатую женщину в ярмарочной палатке.

– Хох! – сказал Фриш, поощрительно глядя на неё и обращая ко мне совершенно трезвый тяжёлый взгляд. – Многие вещи почти забыты, и действительно, лучше о них забыть. Но важно с водой не выплеснуть и ребёнка. Вы меня понимаете? Пейте же, Коллер. Вы всё-таки славный парень. Исключительно приятная сладость. Хох!

– Хох! – сказал я.

И звонко чокнулся с ним.

* * *

Оказалось, алые краски неба лишь предвещали грозу.

Буря разразилась не сразу. Я говорю «буря», потому что сила ветра, вырвавшегося из леса, как воздушный пожар, превышала обычные показатели раз в пять, если не в десять. Сначала ничего не предвещало беды. Только в воздухе повисло осязаемое напряжение.

Я поднял голову от бумаг.

В коридоре что-то происходило. Творилась там какая-то нехорошая суета, избыточное оживление, какое бывает перед побегом, а ещё когда в доме прорвёт канализацию. Я услышал, как мимо кабинета почти пробежали двое. Они переговаривались: «Здесь он...» – «А ты?» – «Да ну, пусть лучше Алек». Они потоптались у самой двери, прикоснулись к ручке и вдруг припустили дальше, гремя шваброй. Я нахмурился. Дьявольски сверлило в виске, и гуля пульсировала, как надутый ипритом шар.

Брякнула форточка. Лампы под потолком мигнули и разгорелись опять.

– Нажмите кнопку, – приказал долговязый, всовываясь в кабинет. – Вон ту, у пепельницы. Она заблокирует ставни.

– Зачем? – оторопело спросил я, глядя, как чёрная туча завладевает небом.

– Штормовое предупреждение.

– А...

Но он уже ускакал, хлопая себя по бокам портфелем и кожаными стеклами – предметом, погрузившим меня в полное оцепенение. Размышлять, впрочем, было некогда. Ветер ударил в стекло, и в комнате потемнело. Жестяная дробь брызнула в подоконник и атаковала окно тёмными прозрачными кляксами.

Это был дождь. И не просто дождь, а всем дождям дождь!

В одно мгновение зубчатая полоса леса на горизонте скрылась – её просто не стало видно. Смыло и сам горизонт. И если где-то в лесу оставались окопы, то они наверняка переполнились, и жёлтая жижа хлестала через край, вынося наружу нехитрый солдатский скарб. Рогатки и котелки с выбитым инвентарным номером. Протухшие за зиму деревянные. Пористые, как наждак, черепа, ремни, пулевые гильзы, жестянки, гнилое мясо и испражнения...

Я подавил отрыжку. Выключил настольную лампу и вышел в коридор.

Там опять было пусто. У выхода в холл стояло ведро с обмокнутой в него шваброй. Голоса слышались ниже – раздосадованные: видимо, и впрямь протекло. Потом из соседней комнаты выглянула Афрани. Мучительно сведённые брови выдавали борьбу чувств и нежелание общаться со мной, одолеваемое тревогой.

– Что-то случилось?

– Не знаю. Наверное. Не дождь, а какой-то Всемирный потоп.

– Антициклон, – сказала она механическим голосом.

– Угу.

Я посмотрел вправо.

Обычно у запасной лестницы болтался круглоголовый санитар, делая вид, что протирает филенки. Сейчас там никого не было. Одиноко светилась голубоватая лампочка, и выходная створка приоткрылась, являя темноту лестничной клетки.

– Куда вы?

– К Ланге, – сказал я, принимая решение. – У меня мигрень. Мне нужны какие-нибудь таблетки. А вы оставайтесь здесь и не высовывайтесь. Лучше закройте. Звери во время грозы ведут себя непредсказуемо.

– Мне тоже нужны таблетки.

Я открыл рот – и закрыл его. Тон голоса не оставлял почвы для пререканий. Оставалось крепко выругаться либо взять её с собой, я выбрал последнее.

– Ладно, тогда держитесь рядом. Сделаем экспресс-вылазку.

* * *

Очевидно, в стенах имелись датчики, потому что свет вспыхнул, когда мы шагнули на пол. Снизу тянул сквозняк и пахло больницей. И не просто больницей, а процедурной – запах спирта, заставивший Афрани неуютно поёжиться, а меня сжать челюсти, как перед инъекцией первитина. «Глоток воли перед победой». Тяжелее всего я преодолел именно это, но даже сейчас сердце забилося громче и учащённей, а рот наполнился тягучей слюной.

Узкий проём был до потолка заставлен ящиками. Я пожалел, что не взял фонарик. Свет, оставшийся за спиной, только мешал, я не мог разглядеть маркировку. Двигаться на ощупь – опасное занятие, если не знаешь, как отреагирует вероятный противник. Возможно, именно сейчас он целится из своей гнutoй трубочки, называемой «стетоскоп». Чёрт бы побрал эти ящики!

– Крыса! – отчаянно шепнула Афрани, стискивая мой рукав и кожу под ним. – Крыса, крыс-с-са...

И в самом деле, на поддоне, нагромождённые одна на другую, стояли узкие клетки. Я задел одну из них мыском ботинка, и разбуженный обитатель метнулся в угол, рассерженно сверкая оттуда глазками-бусинами. В каждой клетке сидело по две крысы. На самом верху располагались одиночки с особо крупными экземплярами.

Я не боюсь крыс. В Эссене в подвале мы оказались буквально погребены вместе с крысами, и куда ни брось взгляд, повсюду прыскало, хрустело, перетекало, и эти мелкие зубы были везде. Петеру обглодали нос. Маленькие шерстяные пираньи рвали раненых, вгрызаясь им в промежность – запертая крыса тоже сходит с ума. Я не боюсь крыс. Я сам был крысой и чуть не сошёл с ума.

– Кр-р-р...

– Тихо!

Реакция запоздала – нас заметили.

Световой луч проехался под деревянным настилом, лизнул угол и погас, когда человек, держащий фонарь, щёлкнул переключателем. Доктор Ланге поставил на клетку высокий стакан и отряхнул пальцы. На его руках были резиновые перчатки, а на лице – скептическое выражение, заставившее меня пожалеть о времени, выбранном для своей эскапады.

– Это вы, Коллер? Чего вы тут шляетесь?

– Голова.

– Звенит? Мозжит? Перепад давления. А вы что – артистическая натура?

Он хмыкнул. Холодный взгляд переместился на Афрани.

– Вы тоже?

– Нет, – откликнулась она высоким голосом испуганной девочки. – Я просто... За компанию.

– Ха. Стойте здесь!

Он скрылся за стеллажами и тут же появился снова, держа в руке блестящую упаковку. Окинул меня оценивающим взглядом и вынул сразу две капсулы.

– Глотайте.

– Позже, – сказал я и положил их в нагрудный карман. Врач опять хмыкнул и спрятал блистер. Движения у него были точные и резкие, очень быстрые, как у фокусника.

– Как хотите. Сосуды меняют просвет, мозг начинает чудить. У вас нет проблем с сердцем? А с половой функцией?

– Всё как часы, – заверил я и показал на клетки. – А это для чего?

– По старой памяти, – сказал он довольно безэмоционально. – Лекарство от смерти настояно на крысиных трупиках, инспектор. Эти маленькие создания переживают то, что вам

и не снилось – для блага науки. Всё для блага науки, Коллер. Но вокруг Эдем, и преддверие ада закрыто, маленькие создания могут расслабиться. Что вас ещё интересует?

Меня интересовала тысяча разных вещей. Но благодаря свету прояснилось то, что я желал знать: на всех коробках стоял штемпель товарищества «Хербст». Крысы шебуршали, поглядывая на коробки так, будто знали, что в них находится.

– Подарите одну, – попросил я.

– Одного, – уточнил он. – Здесь у меня самцы.

– Только самцы?

– Только. Самки умирают раньше от опухолей молочных желёз. Как видите, мой Ноев ковчег нуждается в интенданте. Сейчас я подберу вам приданое, а вы примете лекарство, а то оно уже тает у вас в кармане. Что вы озираетесь? Бойтесь, что я вас отравлю?

– С какой стати вам меня травить, – удивился я.

Мы поглядели друг на друга. Очень внимательно.

Врач устало вздохнул. Протянул руку, пощёлкал пальцами.

– Верните мне капсулы. Вы всё равно их не примете. Канцелярский параноик. Ложитесь спать, а перед сном выпейте больше воды. И не морочьте мне голову.

Он буквально вытолкнул нас на лестницу и с чувством захлопнул дверь. Выставил, как нашкодивших детей. «Ох», – сказала Афрани. «Да, – сказал я. – Это я понимаю». Может, я понимал ещё не всё, но начинал догадываться, и контуры происходящего начинали вырисовываться яснее, лишний раз подтверждая, что Йен был прав, а Карл ошибался.

* * *

Болезнь настигла меня после ужина.

Он оказался не в меру обильным, но одиноким – старики ужинали в палатах. Кухонный работник двигался как манекен и разлил чай, его действия были заметно рассогласованными. Афрани сидела, прижав локти – боялась. В голове моей раскручивалась юла, и хотя к десерту подали только красное, выпил я явно больше положенного.

«Спокойной ночи», – пожелала Афрани. Отведённая мне комната напоминала номер в гостинице – холодная и абсолютно безлика. Спокойной ночи, Эрих! Доброго сна. За стеной бубнила радиоло, и я вспомнил, что не решил вопрос со связью. Если придётся эвакуироваться...

Широкая кровать сделала подкат мне под ноги. Я упал в темноту, в простынный казённый мир, отдающий мылом. С натугой перевернулся. Тамтамы уже отдалялись, звук исчезал в перекатах ночи. Я понял, что не могу пошевелить рукой.

Смешок.

В комнате кто-то был.

Он вошёл сразу после меня. Я вспомнил скрип, но не обратил на него внимания, занятый безуспешной борьбой с пространством. Теперь этот кто-то – или эти – стоял прямо у изголовья. Рядом со мной. В прорези век, как в щелях жалюзи, царил липкая чернота.

– Подними. Я хочу посмотреть.

Разве я успел натянуть одеяло?

Кто-то откинул ткань, и бесплотные пальцы вкрадчиво прошлись по коже, расстёгивая рубашку. Со стороны я выглядел как спящий, но эти двое знали, что я не сплю, и не включали свет.

Их действительно было двое. Наблюдатель и подчинённый. Прикосновение не содержало признаков пола, оно могло исходить от мужчины или от женщины. Я напрягся. Дьявол! Теперь чужая ладонь скользила по животу, вызывая непроизвольное сокращение мышц. Всё тело пре-

вратилось в точку ножевого удара. В ожидании боли – вначале острой, а потом, когда накроет ревуший поток, – ярко-алой и оглушающей.

Шершавый палец погладил шрам возле соска. Меня захлестнуло яростью. Этот клоун, кто бы он ни был, прекрасно сознавал, что делает.

Мгновение тянулось за мгновением. Что чувствовал Хеллиг? «Хотель, на, – спросил человечек на своём изломанном языке, – рапроше?» Пятна сливались – красное, зелёное, фиолетовое. Скорей бы, что ли. Нет ничего хуже беспомощности! Крысы обгрызли нос Петеру и всверливались в пупок, выматывая кишки, похожие на кровавые колбаски. Невыносимо. Если он меня убьёт, я отомщу.

– Хорошо. Пошли.

Ткань опустилась на место. Перед уходом пальцы прощально пробежались по рёбрам, как бы впитывая, пытаясь запомнить каждую телесную впадину. Я готов был поклясться, что чувствую руки Полли.

Но зоркие в ночи глаза принадлежали другому. И не голос Полли произнёс то, что стало моим личным проклятием:

– Славный парень!

Глава 5. Поездка в Грау

Я спал крепко, и мне ничего не снилось.

Как говорит Карл, «новая жизнь зарождается в постели». Со временем начинаешь ценить незамысловатые радости – чистые простыни, подушки, выглаженное бельё. Все эти трофеи цивилизации. Может, я рассуждаю как деревенщина, но даже трёхтомник «Философской мысли» проигрывает ванной, оборудованной прямо в доме и снабжённой электрическим бойлером.

Из комнаты Афрани не доносилось ни звука.

Дождь закончился, по-видимому, ещё ночью. Грязевой поток промчался по газонам и своротил купальню для птиц. Сейчас там копошились рабочие. В дренажных отводках весело журчала вода. Я опять подумал о втором шансе истории – и о том, что если бы пришлось выбирать между сожжением книг и цивилильным завтраком, я бы без колебаний выбрал последний.

Кстати, насчёт завтрака...

– Зачем вам крыса? – требовательно спросил долговязый.

– Люблю животных, – ответил я, подавив естественное желание бросить: «В суп».

Из окна буфета двор представал уже в другом ракурсе. Огромные вазы придавали пейзажу нечто сюрреалистическое. По разрытой земле ходил скрюченный человек в резиновых сапогах – я узнал привратника. Это он вчера загремел болтом и цепью, открывая нам ворота. А тремя часами позже спросил меня: «Закончил?» Ну да, точно. Я испытал облегчение от того, что память опять работала как надо.

– Ваша девушка уже позавтракала, – с лёгкой укоризной осведомил меня долговязый.

– Она не моя девушка.

– Бухгалтер показывает ей документы. Она запросила зарплатные ведомости и баланс за прошлый год.

Меня тоже ждали кипы перевязанных папок. Горы белоснежной бумаги, содержащие порции отлично упакованной лжи. При одной мысли о них меня затошнило.

Из столовой доносился стук ложек и звон стаканов, наигрывал бодрый, ритмичный шлягер. Судя по запахам, старики лакомились гороховой кашей. «Потрясётесь по грунтовке до Грау», – вспомнил я. Прекрасный день для загородных прогулок. Я чувствовал, что мне обязательно, просто непременно нужно выйти на воздух, за пределы этих кремовых стен, за ограду, великолепно исполненную, но почему-то при взгляде на неё я начинал думать о колючей проволоке.

– Сколько километров до Грау?

– Если идти пешком, потеряете день, – отрывисто сказал долговязый. Почесал прыщ и с детской непосредственностью спросил: – А зачем вам?

Искушение ответить «за надом» было просто непреодолимым. Именно так выразился бы человек, не отягощённый дыханием некогда мощной культуры. Надо мной же витала карма инспектора, поэтому я сказал:

– Административное поручение. У вас найдётся велосипед или, может быть, мотоцикл?

– Нет, – медленно сказал он, что-то подбирая в уме. – Мотоцикла у нас не найдётся.

Но я могу распорядиться, чтобы вас подбросили в Грау. Нужно забрать косилку из мастерской, и Хуперт, кажется, хотел прикупить сигарет.

– Вот и прекрасно, – одобрил я. – Я тоже куплю себе сигарет. И вот ещё...

– Алек, – подсказал он.

– Алек. Насчёт моей помощницы...

– Я прослежу, – с жаром заверил он, подаваясь вперёд. Кончик носа с прыщом стал совсем багровым. – Никаких инцидентов. Я прослежу лично!

Особенно за Польмахером, подумал я. Но кивнул, как будто обещания меня вполне устроили. Дипломатическая интуиция подсказывала, что, поступи я иначе, Афрани получит на обед суфле из крысиных хвостиков.

* * *

– Гип-гип ура! – сказал Хуперт, когда в лобовом стекле возникли очертания полуразрушенной кирпичной башни и жестяная крыша старого элеватора. – Держитесь крепче.

Разъезженная дорога не позволяла нормально припарковаться. Насвистев какой-то пошлый мотивчик, Хуперт дал по газам и вырвался на поляну, где и заглох в окружении проржавевших автомобильных костяков.

Я спрыгнул в траву.

Она доходила здесь до колен, а если сойти с тропинки, то и до пояса. Земля в низине отдавала влажным и жирным холодом, но с правой стороны грунтовки начинался подъём и можно было увидеть медно-красную каменистую почву с редко торчащими хворостинами.

Я не имел ничего против такой земли. Богатая лесом и чёрным углём, здесь она просто-напросто демонстрировала свою истощённую грудь и кожу, отравленную солями тяжёлых металлов. Когда-то в Грау проходила сезонная ярмарка. С тех пор прошли годы и многое изменилось – кому-то война отрубила руки, а посёлку – кровоснабжение.

– Вылезай! – скомандовал Хуперт.

Тряпье заворчалось, сдвигая брезент, и на свет показался напарник водителя – Гуго. Я понадеялся, что косилка весит немного. То, что этот костлявый парень носил себя, не шатаясь, уже казалось подвигом, он был чудовищно истощён.

– Пойдёте с нами?

– Нет, – сказал я. – Встретимся через полтора часа.

– Могу дать вам колокольчик, – сострил Хуперт.

Сколько я ни встречал шофёров, все они пытались острить. Факт крайне любопытный. Зато единственный встреченный мною клоун оказался мрачнее похоронной бригады и чуть не вышиб мне зуб, когда я отказался выслушать его рассказ о гангрене.

– Не задерживайтесь! – предупредил Гуго.

Я оглянулся.

Его голос прозвучал странно. Как и красное солнце, лучи которого падали на каменистый отвал, словно поджигая его. Слюдяные прожилки косо исчерчивали холм, по которому мне ещё предстояло подняться.

Крекс-пекс-фекс. Альтенхайм.

Они могли называть белое чёрным, а дом престарелых пансионатом; так же как смерть есть толерантность – смерть удивительно толерантна. Какого чёрта я согласился на это задание? В людоедских племенах стариков убивают первыми. Жестоко, но прагматично. Бог предложил Аврааму принести в жертву любимого сына, потому что знал – без чётких распоряжений ему приволокнут старые кости. А кого здесь винить?

Однако пока всё выглядит исключительно толерантно. Гороховая каша. Проходя мимо столовой, я краем глаза увидел их – в халатах и плотных пижамах, слава Богу не полосатых. Надо бы поднять личные карточки. И что-то такое... случилось ночью? Отзвук застрявшего сна? Послечувствие, гудящая голова и тяжесть в подреберье. Глупо пить на ночь. Я никогда не умел пить, и тот случай, когда я напился вусмерть, обернулся гнуснейшей мерзостью и скотством – хотя пора уже об этом забыть.

Давно пора.

* * *

Когда я поднялся к «Дочери лесника», погода опять разгулялась.

Ветер колотил в грудь и в спину, а облака по небу неслись как проклятые, предвещая новый виток грозы. Почерневшая древесина, составлявшая остовы домов, ещё сохранила номера и почтовые ящики. В некоторых домах ещё жили. В одном из палисадников я заметил плетёное кресло и лейку, а перед баром какая-то женщина ввинчивала лампочку в разбитый фонарь.

– Вы к нам? – спросила она низким грудным голосом. – Обед? Или выпить?

– Ещё не знаю.

– А, – она понимающе улыбнулась. Слезла с табуретки и небрежным движением одёрнула юбку. – Из «Эдема», что ли? Мальчик Дитриха?

– Что-то вроде того, – сказал я осторожно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.